

A large, golden saxophone is the central focus, standing upright on a cobblestone street at night. The saxophone is highly detailed, with its keys and pads clearly visible. The background features a dark, atmospheric street scene with warm, glowing streetlights and the silhouettes of buildings and trees. The overall mood is mysterious and artistic.

Григорий Зарубин

СКОЛЬКО СТОИТ
СЧАСТЬЕ

Григорий Зарубин

Сколько стоит счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22615307

ISBN 9785448365881

Аннотация

Трагикомедийная приключенческая повесть. Главный герой – Алексей Зарубин, как всегда, не ищет легких путей в поисках смысла жизни и достижении счастья. Но какую цену он готов заплатить за осуществление своей мечты? Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Сколько стоит счастье...	5
Дела житейские и не только...	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сколько стоит счастье

Григорий Зарубин

© Григорий Зарубин, 2022

ISBN 978-5-4483-6588-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сколько стоит счатье...

Затренькал мобильник, нервно вибрируя в заднем кармане брюк. Аккуратно вытащил его левой рукой, но отвечать не спешил, пританцовывал в такт, наслаждаясь красивейшим рингтоном. Правая рука была занята, потому что расстегивал ширинку, стоя у унитаза...

Из любопытства глянул, кто же там мне названивает. Так! Так! На экране высвечивалось, ярко мигая: «жена, слава Богу, бывшая».

Ах, да... припомнил, что повод для звонка мог быть важным. Чуть замешкался, пытаюсь нажать большим пальцем нужную кнопку... телефон «булькнул» в унитаз...

– Чтоб ты, и тебя, и всех их...!!! – выругался я. Спустил несколько раз воду из бачка. Долго искал резиновые перчатки... Только вытащил, как в дверь позвонили. Выкинув сотик в мусорное ведро, пошел открывать...

– Здрась-сьте! Светлана Геннадьевна! Прекрасно выглядите! – нарочито вежливо первым поздоровался я, – о! И Олег Геннадьевич пришлепал! И Вам мое почтение!

Бывшая супруга с шикарнейшей прической, искрящейся на фоне норковой шубки, и ее облысевшим братцем, не отвечая на мое приветствие, молчком с хмурыми тоскливыми лицами проследовали в квартиру.

Следом, пыхтя и охая, ввалился толстый судебный при-

став. За ним прошмыгнул участковый.

– Охренеть! Однако, мощная у тебя, милая, группа поддержки!

По судебному решению квартира оставалась за законной владелицей; мне же, помимо одежды и личных вещей, принадлежал только старенький джип со смешным и труднопроизносимым названием «Додж Рамчарджер», стиральная машинка и телевизор.

Так что к их приходу моя пресловутая дорожная сумка была уже аккуратно собрана, а «крупногабаритный» телевизор и стиральную машину еще вчера продал «самовыносом» за полцены соседям по лестничной площадке – молодой паре с двумя детьми.

После неуклюжего минутного безмолвия пригласил всех присутствующих к столу, где лежал кропотливо подготовленный мною лист бумаги – что-то среднее между распиской и актом передачи имущества.

– Ознакомьтесь и распишитесь. Что к Зарубину, б...ь, претензий не имеется...

Светлана, надменно вышагивая, обошла комнаты, проверила выборочно несколько шкафов, в конце концов, кивнула, дескать: «все хорошо, все на месте»...

Я забрал расписку, положил связку ключей на стол, хотел перед уходом сказать еще что-нибудь этакое – обидное, язвительное, но, взглянув на вмиг осунувшееся и погрузневшее, но все еще красивое лицо жены, промолчал. Ушел, ти-

хонечко притворив за собой входную дверь.

Может быть, в чем-то она была и права?

Припомнилась последняя ссора.

– Тоже мне, – кандидат наук! – резкими движениями вытаскивала она тарелки со звоном из посудомоечной машины, – ни с того ни с сего взял и на пенсию ушел. Герой! Ребеночка он, видите ли, захотел... А на какие «шиши» воспитывать-то его?! Чтобы в «деревянных» сандаликах по помойкам голодным лазил?!

– Чего городишь? Какие «помойки»?! У меня хорошая пенсия...

– Мама на должность доцента в институт могла пристроить... А Лешечкин: «не хочу»! в адвокаты: «не пойду»! в охранники – «не царское дело...». Да пошел ты...!!!

– Сама пошла! Тебе надо, иди и работай!

– Я и так работаю! Весь дом, вся семья на мне!

– Мое вам – нижайшее почтение!

– Алексей! Может, и, правда, поразмыслишь?! – дожевывая большой кусок ветчины, авторитетно заметил Светкин брат, – могу поговорить с Игорьком, – в похоронное бюро точно возьмет.

– Эй! – психанул я, – ты! брат «кормилицы»! сначала со своими кредитами и ипотекой разберись! А потом других учи жить... сиди и жуй молчком!

Олег обиделся и замолчал.

– А чего ты тут – раскомандовался?! – уперла руки в боки

жена.

– Я здесь живу!

– Живет, он здесь! Видите ли...

– Да! Живу!

– Давно бы погасили долги, если б не некоторые...

– Помог бы, если б мог, – уже из последних сил огрызался я.

– Вот именно! Сколько раз, я тебя просила, умоляла, унижалась, – помочь мне с арендой магазина?!

Я молчал, крутил пальцем в воздухе невидимые замысловатые круги. Что говорить? Честно?! Хотел тогда помочь, но ничего не получилось. Только еще больше врагов в прокуратуре себе нажил...

– Что молчишь?! Губки надул. Трубочист... – презрительно прошипела жена.

– Трубач! Сколько раз можно повторять?! Трубач! Ну, все, все!!! – я резко вскочил из-за стола, нечаянно опрокинув кружку с чаем. Со злостью схватил фарфоровую чашку и швырнул об стену, разбив вдребезги, – согласен, подавай на развод! Достала ты меня!!!

Я в последний раз посмотрел на окна когда-то милой уютной квартиры. Никто и не думал провожать меня взглядом...

Сумку закинул в салон своего «чумазого» внедорожника. Сел за руль, включил двигатель. И жалость моя с грустью вмиг улетучились, уступив место здоровому эгоизму и повесенному, радостной – долгожданной свободе... Тоже мне

благодетели! Выкинули как собаку!

Припарковавшись в соседнем дворе, откинул сиденье. Апрельское солнышко мягко грело сквозь лобовое стекло. Наверное, впервые в жизни я делал, что хотел. Во всяком случае, хотя бы мог спросить самого себя: «а что ты хочешь?! Именно ты! Зачем живешь на этом свете?! В чем смысл?! И что такое счастье...?!»

Наверное, и был-то я, по-настоящему счастлив в последний раз, насколько я помню, когда мне было четыре или пять годиков.

В детском саде мне очень нравилась девочка Наташа...

– Я хочу на тебе жениться, – насупившись, сказал я ей, и протянул слипшуюся конфетку. Тот момент из далекого прошлого как-то хорошо запомнился. Врезался яркой вспышкой в неустойчивой памяти. Еще бы! У меня была не только вкусная конфета, но в тот день впервые на мне были одеты настоящие штаны, а не какие-то там позорные «девчачьи» колготки. Я чувствовал себя мужчиной – красавцем!

– Хорошо, – охотно согласилась девочка, – тогда достань со шкафа вон ту куклу, и пошли играть.

Счастью моему не было предела! Я полез на шкаф, стащил куклу, а заодно нечаянно с грохотом уронил и пару горшков с цветами...

Помню, меня поставили в угол... и на этом мои воспоминания о том прекрасном счастливом дне обрываются...

В окно постучали. Я приподнялся. У машины стоял поли-

цейский...

– Капитан Малин. Предъявите, пожалуйста, документы.

– А что случилось, капитан Малин?! – протянул я водительские права, паспорт, не забыв достать и новенькое пенсионное удостоверение, – кстати, я тоже капитан, правда, в отставке.

– Профилактика. Поступил сигнал от жильцов о подозрительной машине. Проверяем.

Действительно, возле лавочки у подъезда за нами пристально наблюдали две старушки.

– Дело Сталина-Берии живет?! – неудачно пошутив, крикнул я бабулям.

Полицейский с непроницаемым лицом, проверяя документы, тоже едва улыбнулся.

– Слушай, как думаешь, а сколько стоит счастье? – спросил я у капитана.

– Выпили, Алексей Михайлович?!

– Нет, нет, что вы?!

– Тогда поищите свое «счастье» где-нибудь в другом месте...

Да уж! Что называется: «не в бровь, а в глаз». Жить-то мне негде, кроме как в моем «Додже Рамчарджер».

Но у меня было еще непотраченное выходное пособие, деньги от продажи бытовой техники и половина последней зарплаты. Квартиру купить, конечно же, явно не хватит, а, вот домишка в пригороде или дачу, – вполне можно осилить.

Полистав на планшете интернетные странички с объявлениями, немножко стало грустно. Попал в надвигающийся летний сезон, так что все возможные варианты свелись к одному – ветхому дому на заброшенном участке на краю дачного массива.

Увольняясь из органов, хотелось тишины и покоя. Никаких совещаний, никаких экстренных планов и отчетов, бесконечных заполнений всякой «белибердой» служебных журналов, глупых учебных «тревог» посреди ночи, извечных «стояний на ковре» у начальства. Только – тишина и чтоб: «ни одна с. ка мне не звонила»!

Даже бедный Палыч устал меня защищать...

– Алексей! Ну, нельзя так!!! Вот, что мне писать?! Уже из Москвы срочно требуют на тебя объективку! Нельзя иметь авторитет у авторитетов... блин, какая-то ерунда... понимаешь, нельзя! А с цыганами?! Совсем рехнулся?!

Я, как обычно, ухмылялся...

– Палыч! Да, все нормально! Пиши, как есть... а я устал, извини...

Да, помню... А потом цыганка предложила мне погадать прямо в дежурке...

– Дай руку, начальник! Всю правду скажу тебе!

Я протянул ладони. Рада взглянула... Тут же вскочила, шурша бесчисленными юбками, пытаясь удрать...

– Стоять! Обещала! Гадай! – в шутку прикрикнул я.

Рада вернулась, глубоко вздохнула, погладила мои ладо-

ни...

В последние дни службы по моей персоне проводили несколько служебных проверок. Одна из проверок, в свою очередь, касалась не проведенной мною служебной проверки...

Вы что-нибудь поняли (из последнего абзаца)?! Я тоже нет. Осточертело, морща лоб, вдумываться и понимать! Написал от руки на сером листке рапорт об уходе на пенсию, зарегистрировал его в секретариате, и лично отнес начальнику. Далее, как обычно, поругался с ним, благо, что в последний раз... вышел из кабинета, счастливо улыбаясь... и моя жизнь в эту же секунду изменилась кардинально... Точно железнодорожный состав на самом быстром ходу неожиданно, жутко скрипя чугунными колесами, стал тормозить.

Светка меня, мягко сказать, не понимала...

– И что собираешься дальше делать?!

– Жить! – усмехнулся я, – просто жить! Заниматься любимым делом.

– И где работать думаешь?

– Че, сразу «где работать»?! Буду на трубе учиться играть...

Жена даже присела на краешек дивана.

– На трубе?!!! – переспросила она, выронив из рук журнал.

– Ну да, на трубе. Знаешь, я сперва хотел на гитаре, но...

– Зарубин! Ну, знаешь... у меня просто нет слов! ты пре-

взошел самого себя! Скажи! Ты пошутил?!

– Нет, не пошутил. Я хочу играть на трубе! Ты же возишь-ся с утра до вечера в своем бутике...

Закрылась в спальне. Через минуту дверь открыла, швырнула в меня подушкой, – что означало: «спи на диване»...

– Между прочим, Армстронг играл на трубе! – крикнул я в сторону закрытой спальни, – ты знаешь, кто такой – Луи Армстронг?!

Светка что-то бурчала по ту сторону двери, потом стала громко материться.

Я в одних трусах вертелся у зеркала, напрягая мышцы и строя самому себе глупые «зверские» рожицы.

– Светик! Солнышко! Выходи! Давай потанцуем!

Не только жена, но и все остальные – знакомые, близкие и не очень близкие мне люди, категорически отказывались меня понимать. Мамане, щадя ее психику, я не стал рассказывать о своих будущих «музыкальных» планах, а сестре, воспитывавшей трех девок, было не до этого.

На всякий случай решил поэкспериментировать с психиатром военно-врачебной комиссии...

– Доктор, я хочу научиться играть на трубе, – признался я с порога.

– На трубе так на трубе..., – не поднимая головы, она что-то строчила в моем акте обследования, – выпиваете?

– Немного. Бутылки дня на два хватает.

– Курите?

– Бросаю.

– Это хорошо.

– Сон какой?

– В смысле? Не понял вас, доктор...

– Крепкий, спокойный, беспокойный? Кошмары снятся?

– Да, да, доктор! Снятся! Жуткие кошмары!

– Ну, это нормально.

– Нормально?! Вы считаете, что это нормально?!

– А что вы хотели?! С вашим-то послужным списком...

– А я дом купил в пригороде, в лесу!

– Замечательно! – наконец-таки взглянула докторша на меня, – природа, свежий воздух! Замечательно! Но с алкоголем, все же, будьте поосторожнее... по статистике бывшие... живут, в среднем, года два...

Да уж... комментарии излишни...

Оформив все документы на пенсию, на следующий день я уже важно разгуливал по своему «поместью» в десять соток на берегу речушки.

Счастье мое стоило – пятьдесят восемь тысяч рублей, с вычетом налогов и сборов...

Дела житейские и не только...

Пятьдесят восемь тысяч рублей... Что-то уж слишком дешево. Нет ли подвоха с неожиданным сюрпризом?

При ближайшем рассмотрении участок оказался скверным: пологим, неровным, с глубокой ямой посередь участка. Но красиво смотрелись молоденькие березки и сосны, растущие вдоль обветшалого покосившегося забора вдоль дороги. С других сторон ограждения не было.

Дом, вернее, изба в старорусском стиле, возвышалась над местностью, грустно поглядывая мутными стеклами из-под приколоченных криво досок. Высокое, точно в тереме, крыльцо. С трудом открыл проржавленный «амбарный» замок на двери. За толстой дубовой дверью предстала перед глазами одна большая комната с русской печью посередине...

Подполье было сухим и глубоким. Да и нижние бревна насколько не потеряли в надежности, твердо опираясь в углах на огромные каменные валуны. Умели когда-то строить...

Электричество, как и было оговорено, отсутствовало, болтаясь на дальнем столбе оборванными проводами. Зато имелся колодец с прозрачной до самого дна водой.

Но, самое главное, – внизу, у самого берега, «притаилась» за разросшимися высокими кустами смородины чудная банька. Еще крепкая, топившаяся, видимо, когда-то по-

черному, но готовая принять посетителя хоть сегодня же, вечером.

Собственно, с чего и начал облагораживание «дворянского имени»...

Вплотную взявшись за работу и сразу же столкнувшись с некоторыми трудностями, помывку в баньке пришлось отложить на следующий день. Потом еще на день. И еще... только через месяц я разжег дрова в печи и увидел тонкую струйку сизого дыма, стелящегося над речкой. Несмотря на прохладные апрельские дни мыться, громко взвизгивая на всю округу, приходилось на улице.

Жил в машине. Еду и чай варил на костре. Потому что старая русская печь отказывалась топиться, выбрасывая клубы едкого дыма в избу. Принялся было чистить, как выяснилось, что кирпичи в бесчисленных дымоходах изрядно обгорели и обвалились. Пришлось ее полностью разобрать, а заодно и отскоблить и вымыть все стены, пол и потолок.

Купил новую железную печь под обличье камина, пластиковые окна, бензиновую косу, радиоприемник на батарейках, лопаты, грабли, топор и роскошный диван.

И вперед! С песней!

Скучать не приходилось длинными жаркими деньками. Похудел килограмм на десять, если не больше. Загорел – точно на курортных «югах». Джинсы пришлось приобрести новые. Старые были слишком уж большие и смотрелись на мне мешковато.

Купил семена. Посадил картошку, лук, чеснок, морковь, еще какие-то там салаты и базилик с петрушкой.

В общем, загородная моя деревенская жизнь – «била ключом».

Пригодился армейский хозяйственный опыт. Частенько тогда приходилось: красить, белить, разбирать кирпичи, и тут же из них ремонтировать стены, траву косить бритвочкой, а еще, кстати, бесподобное занятие, – натирать пол мастикой...

Многое вспоминалось, переоценивалось... я как бы смог взглянуть на себя, свою прожитую жизнь, со стороны... когда звездными теплыми ночами, свалившись «без задних лап» на диван, размышлял о смысле жизни...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.